

Становление общества сетевых структур

Мануэль Кастельс

Исследование зарождающихся социальных структур позволяет сделать следующее заключение: в условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение "сетевой" логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью. Да, сетевая форма социальной организации существовала и в иное время, и в иных местах, однако парадигма новой информационной технологии обеспечивает материальную основу для всестороннего проникновения такой формы в структуру общества. Более того, я готов утверждать, что подобная сетевая логика влечет за собой появление социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы, находящие свое выражение путем формирования подобных сетей: власть структуры оказывается сильнее структуры власти. Принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой наряду с динамикой одних сетей по отношению к другим выступают в качестве важнейших источников власти и перемен в нашем обществе; таким образом, мы вправе охарактеризовать его как общество сетевых структур (*network society*), характерным признаком которого является доминирование социальной морфологии над социальным действием.

Прежде всего я хотел бы дать определение понятию сетевой структуры, роль скоро последняя играет столь важную роль в моей характеристике общества информационного века. Сетевая структура представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов. <...> Конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь. К ним относятся рынки ценных бумаг и обслуживающие их вспомогательные центры, когда речь идет о сети глобальных финансовых потоков. К ним относятся советы министров различных европейских государств, когда речь идет о политической сетевой структуре управления Европейским союзом. К ним относятся поля коки и мака, подпольные лаборатории, тайные взлетно-посадочные полосы, уличные банды и финансовые учреждения, занимающиеся отмыванием денег, когда речь идет о сети производства и распространения наркотиков, охватывающей экономические, общественные и государственные структуры по всему миру. К ним относятся телевизионные каналы, студии, где готовятся развлекательные передачи или разрабатывается компьютерная графика, журналистские бригады и передвижные технические установки, обеспечивающие, передающие и получающие сигналы, когда речь идет о глобальной сети новых средств информации, составляющей основу для выражения культурных форм и общественного мнения в информационный век. Согласно закону сетевых структур, расстояние (или интенсивность и частота взаимодействий) между двумя точками (или социальными положениями) короче, когда обе они выступают в качестве узлов в той или иной сетевой структуре, чем когда они не принадлежат к одной и той же сети. С другой стороны, в рамках той или иной сетевой структуры потоки либо имеют одинаковое расстояние до узлов, либо это расстояние вовсе равно нулю. Таким образом, расстояние (физическое, социальное, экономическое, политическое, культурное) до данной точки находится в промежутке значений от нуля (если речь идет о любом узле в одной и той же сети) до бесконечности (если речь идет о любой точке, находящейся вне этой сети). Включение в сетевые структуры или исключение из них,

наряду с конфигурацией отношений между сетями, воплощаемых при помощи информационных технологий, определяет конфигурацию доминирующих процессов и функций в наших обществах.

Сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, то есть используют аналогичные коммуникационные коды (например, ценности или производственные задачи). Социальная структура, имеющая сетевую основу, характеризуется высокой динамичностью и открыта для инноваций, не рискуя при этом потерять свою сбалансированность. Сети оказываются институтами, способствующими развитию целого ряда областей: капиталистической экономики, основывающейся на инновациях, глобализации и децентрализованной концентрации; сферы труда с ее работниками и фирмами, основывающейся на гибкости и адаптируемости, сферы культуры, характеризуемой постоянным расчленением и воссоединением различных элементов; сферы политики, ориентированной на мгновенное усвоение новых ценностей и общественных умонастроений; социальной организации, преследующей своей задачей завоевание пространства и уничтожение времени. Одновременно морфология сетей выступает в качестве источника далеко идущей перестройки отношений власти. Подсоединенные к сетям "рубильники" (например, когда речь идет о переходе под контроль финансовых структур той или иной империи средств информации, влияющей на политические процессы) выступают в качестве орудий осуществления власти, доступных лишь избранным. Кто управляет таким рубильником, тот и обладает властью. Поскольку сети имеют множественный характер, рабочие коды и рубильники, позволяющие переключаться с одной сети на другую, становятся главными рычагами, обеспечивающими формирование лица общества наряду с руководством и манипулированием таким обществом. Сближение социальной эволюции с информационными технологиями позволило создать новую материальную основу для осуществления таких видов деятельности, которые пронизывают всю общественную структуру. Эта материальная основа, на которой строятся все сети, выступает в качестве неотъемлемого атрибута доминирующих социальных процессов, определяя тем самым и саму социальную структуру.

Таким образом, можно говорить о том, что новые экономические формы строятся вокруг глобальных сетевых структур капитала, управления и информации, а осуществляемый через такие сети доступ к технологическим умениям и знаниям составляет в настоящее время основу производительности и конкурентоспособности. Компании, фирмы и, во все большей степени, другие организации и институты объединяются в сети разной конфигурации, структура которых знаменует собой отход от традиционных различий между крупными корпорациями и малым бизнесом, охватывая секторы и экономические группы, организованные по географическому принципу. Поэтому трудовые процессы обретают все более индивидуализированный характер, происходит фрагментизация деятельности в зависимости от производственных задач с ее последующей реинтеграцией для получения конечного результата. Это находит свое проявление в осуществлении взаимосвязанных задач в различных точках земного шара, что означает новое разделение труда, основывающееся на возможностях и способностях каждого работника, а не на характере организации данной задачи.

Ориентация на сетевые формы управления и производства отнюдь не означает заката капитализма. Общество сетевых структур, в любых его институциональных воплощениях, в настоящее время является буржуазным обществом. Более того, капиталистический способ производства сегодня впервые определяет социальные

взаимоотношения повсюду в мире. Однако эта разновидность капитализма коренным образом выделяется на фоне своих исторических предшественников. Ее отличают два главных признака: она носит всемирный характер и в значительной степени строится вокруг сети финансовых потоков. Капитал работает в глобальном масштабе и в реальном времени, причем он реализуется, инвестируется и накапливается прежде всего в сфере обращения, т.е. как финансовый капитал. Последний всегда составлял основную часть капитала, однако сегодня мы являемся свидетелями несколько иного феномена: дальнейшее накопление капитала и финансовая деятельность все чаще осуществляются на глобальных финансовых рынках; из этих сетевых структур притекают инвестиции во все области хозяйственной деятельности: информационный сектор, сферу услуг, сельскохозяйственное производство, здравоохранение, образование, обрабатывающую промышленность, транспорт, торговлю, туризм, культуру, рациональное использование окружающей среды и т.д. <...> Некоторые виды деятельности оказываются более доходными, чем другие, проходя через различные циклы, переживая взлеты и падения рынка, испытывая влияние глобальной конкуренции. При этом, вне зависимости от того, что именно обеспечивает получение прибыли (производители, потребители, технология, природа или институты), она попадает в метасеть финансовых потоков, где любой капитал уравнивается в условиях обращенных в продукт демократии денег. В этом вселенском казино, которым управляют компьютеры, различные виды капитала расцветают или, наоборот, обесцениваются, определяя при этом судьбу корпораций, семейных сбережений, национальных валют и региональных экономик. Общий итог равен нулю, поскольку выигрыш победителей оплачивают проигравшие. Однако выигравшие и проигравшие меняются ежегодно, ежемесячно, ежедневно, ежесекундно, и эти перемены отражаются на мире компаний, рабочих мест, зарплат, налогов, общественных служб, на том самом мире, который подчас считают "реальной экономикой" и который я бы предпочитал называть "нереальной экономикой", поскольку в век капитализма сетевых структур настоящая реальность, где делают или теряют, размещают или сберегают деньги, находится в финансовой сфере. Все другие виды деятельности (за исключением деятельности во все более сокращающемся государственном секторе) выступают либо в качестве основы для получения необходимых свободных средств, которые можно было бы вложить в глобальные финансовые потоки, либо же в качестве результата уже помещенных сюда капиталовложений.

Однако чтобы финансовый капитал мог работать и конкурировать, он должен опираться на знания и информацию, получающие обеспечение и распространение благодаря информационной технологии. Таково конкретное содержание взаимосвязи между капиталистической формой производства и информационной формой развития. Капитал, которым распоряжаются чисто по наитию, всегда подвержен опасностям и в конечном счете размывается под воздействием элементарной статистической вероятности в условиях произвольных колебаний финансовых рынков. Процесс его накопления заключается не в чем ином, как во взаимодействии между выгодным размещением средств в соответствующих фирмах и использованием накопленных прибылей для их обогащения в условиях глобальных финансовых сетей. Таким образом, накопление капитала связано с производительностью, конкурентоспособностью и наличием необходимой информации относительно инвестиций <...> в каждом секторе экономики. Фирмы, занимающиеся разработкой высоких технологий, зависят от финансовых средств, без которых они неспособны продолжать свой бесконечный поиск инноваций, обеспечивая производительность и конкурентоспособность. Финансовый капитал, действуя непосредственным образом через банковские институты либо же опосредованно, через динамику фондовых рынков, определяет судьбу высокотехнологичных отраслей. С другой стороны,

технология и информация выступают в качестве решающих средств, обеспечивающих получение прибылей и завоевание рынка. Таким образом, финансовый капитал и промышленный капитал, связанный с высокими технологиями, оказываются во все большей взаимозависимости, пусть и сохраняя свою специфику в том, что касается формы деятельности каждой из отраслей.

Итак, капитал либо изначально носит глобальный характер, либо обретает его с целью приобщения к процессу накопления в условиях экономики, строящейся вокруг электронных сетей. По принципу сетей фирмы организуют как свою внутреннюю структуру, так и внешние связи. Благодаря этому потоки капитала и вызываемая ими к жизни деятельность, связанная с производством, управлением и распределением, растекаются по взаимосвязанным сетям самой различной конфигурации. Но кто же тогда в этих новых технологических, организационных и экономических условиях выступает в качестве капиталистов? Вряд ли в их число входят юридические владельцы средств производства, которыми могут оказаться, к примеру, ваш или мой пенсионный фонд либо прохожий на улице Сингапура, вкладывающий средства в растущий аргентинский рынок с помощью банковского автомата. К числу капиталистов нельзя отнести и менеджеров корпораций, как это предлагают сделать некоторые авторы, ибо они контролируют конкретные корпорации и конкретные участки глобальной экономики, однако ничего не знают о систематических, повседневных подвижках капитала в финансовых сетях, развитии знаний в сетях информационных или об эволюции стратегий в многогранном комплексе сетевых предприятий. Менеджеры бывают представителями верхушки глобальной системы капитала; так обстоит дело в японских корпорациях. Их можно выявить и в рамках традиционной буржуазии, например, в зарубежных сетевых структурах китайского бизнеса, причем у этой категории прослеживаются отчетливо выраженные культурные связи, зачастую семейные или личные, наряду с общими ценностями и, подчас, политическими контактами. В Соединенных Штатах сложился причудливый портрет современного капиталиста, у которого одновременно просматриваются черты традиционных банкиров; спекуляторов-нуворишей; гениев, обернувшихся предпринимателями и самостоятельно поднявшихся на вершину социальной лестницы; магнатов глобального масштаба и менеджеров многонациональных корпораций. В других случаях в качестве капиталистов выступают государственные корпорации (примером могут служить Французские банки и компьютерные фирмы). В России бывшие представители коммунистической номенклатуры конкурируют с молодыми "дикими" капиталистами, стремясь урвать кусок государственной собственности в условиях становления самой молодой провинции капиталистического мира. И во всех странах деньги, отмываемые самыми различными криминальными структурами, стекают в глобальную финансовую сеть, единовластную хозяйку всех накоплений.

Итак, речь идет о капиталистах, которые стоят во главе всех и всяческих экономик и одновременно распоряжаются людскими жизнями. Но можно ли объединить их в класс? Ни социологически, ни экономически такой категории, как глобальный класс капиталистов, не существует. Вместо него имеется взаимосвязанная, глобальная система капитала, движения и изменчивая логика которого в конечном счете определяют экономику и сказываются на судьбе любого общества. Таким образом, над многообразием буржуа во плоти, объединенных в группы, восседает безликий обобщенный капиталист, сотканный из финансовых потоков, управляемых электронными сетями. Это явление нельзя сводить к простому выражению абстрактной логики рынка, поскольку этот феномен не вполне подчиняется законам спроса и предложения: он реагирует на всякого рода встряски, на не поддающиеся прогнозу подвижки, обусловленные психологическими и социальными факторами в не

меньшей степени, чем экономическими процессами. Эта глобальная сеть капиталистических сетей одновременно объединяет и ставит под свой контроль конкретные центры накопления капитала, определяя структуру поведения капиталистов на основе их подчинения самой себе. Отдельные же капиталисты следуют своим конкурирующим либо, напротив, взаимодополняющим стратегиям, двигаясь по контурам и цепям этой глобальной сети, оказываясь, тем самым, в конечном счете в зависимости от внечеловеческой логики произвольно обработанной информации, подчиняющейся компьютерам. Это капитализм в его наиболее чистом выражении, живущий только для денег и ради денег и производящий товары ради производства других товаров. Однако деньги практически окончательно потеряли свою зависимость от производства, включая производство услуг; они ушли в сети электронных взаимодействий более высокого порядка, которые едва ли понятны даже тем, кто выступает в качестве их менеджеров. Капитализм по-прежнему остается правящей системой, однако капиталиста во плоти можно встретить только случайно, а капиталистические классы ограничены конкретными регионами мира, где они процветают в качестве придатка к мощному процессу, воля которого находит свое проявление в колонках биржевых ведомостей и в рейтинге фьючерных сделок и опционов, мигающих на экранах компьютеров по всему миру.

Что же происходит с такой категорией, как труд, как социальные производственные отношения, в этом новом мире информационного капитализма? В пространстве финансовых потоков работники не исчезают, а работы остается в избытке. Вопреки апокалиптическим пророчествам, основывающимся на примитивном анализе, сегодняшний мир характеризуется большим числом рабочих мест и более высокой долей занятости самодельного населения, чем когда-либо в истории. В основном это объясняется широким привлечением женщин к оплачиваемому труду во всех индустриально развитых обществах, причем этот контингент рынка труда удалось в целом абсорбировать без особых проблем. Таким образом, распространение информационных технологий, несмотря на все изменения структуры труда и уничтожение определенных рабочих мест, не привело и вряд ли в будущем приведет к массовой безработице, даже несмотря на ее рост в Европе, который, скорее, больше связан с социальными институтами, чем с новой производственной системой.

Однако, несмотря на то, что работа, работники и трудящиеся классы существуют и даже получают все большее распространение в мире, социальные взаимоотношения между трудом и капиталом претерпевают коренные преобразования. Капитал по своей сути носит глобальный характер, а труд, как правило, — локальный. Историческая реальность развития информационных технологий такова, что ведет к концентрации и глобализации капитала, причем именно благодаря непреодолимому децентрализующему воздействию сетевых структур. Труд оказывается расчлененным в зависимости от осуществляемых операций, раздробленным по организационному признаку, диверсифицированным в аспекте наличия или отсутствия работы, раздельным в условиях коллективной деятельности. Сети сливаются друг с другом, образуя метасеть капитала, объединяющую капиталистические интересы на глобальном уровне, вне зависимости от сфер и участков деятельности; это не может не сопровождаться конфликтами, однако подчиняется одной и той же общей логике. Труд же теряет свою коллективную самобытность, становится все более индивидуализированным с точки зрения возможностей работников, условий труда, заинтересованности в нем и перспектив на будущее. Кто владелец? Кто изготовитель? Кто хозяин? Кто слуга? Эти понятия становятся все более размытыми в условиях системы производства, характеризуемой меняющейся конфигурацией, совместной работой, созданием сетей, привлечением внешних источников, использованием

субподрядов. Вправе ли мы утверждать, что стоимость создается отупевшим от работы на своем компьютере изобретателем новых финансовых средств, чей труд отчуждается брокерами корпораций? Кто участвует в создании стоимости в электронной промышленности? Изобретатель чипа в Кремниевой долине или же девушка, работающая на конвейере фабрики где-то в Юго-Восточной Азии? Несомненно, они оба, хотя и совершенно в разной пропорции. Так что же, их обоих можно отнести к новому рабочему классу? Тогда почему в это понятие не зачислить и специалиста по компьютерам в Бомбее, которого на основе субподряда привлекают для разработки программы создания того или иного конкретного дизайна? Почему не включить сюда и разъездного менеджера, который мотается или просто сидит на связи между Калифорнией и Сингапуром, занимаясь урегулированием вопросов производства и сбыта электронных чипов? В рамках комплексных, глобальных сетей, которые взаимодействуют друг с другом, производственные процессы объединяются в одно целое. Однако одновременно происходит и дифференциация трудовых процессов, расслоение работников, расчленение труда в глобальных масштабах. Таким образом, если капиталистические производственные отношения по-прежнему сохраняются (ведь во многих экономиках доминирующая логика сегодня в гораздо большей мере носит капиталистический характер, чем когда-либо), то капитал и труд оказываются разнесены в разное пространство и время: пространство потоков и пространство территорий, время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, и почасовое время повседневной жизни. Они живут друг за счет друга, но друг с другом не связаны, ибо жизнь глобального капитала все меньше и меньше зависит от конкретного труда и все больше и больше от накопленного объема труда как такового, которым управляет небольшой мозговой центр, обитающий в виртуальных дворцах глобальных сетей.

За этой двойственностью кардинального характера по-прежнему кроется значительный объем социального многообразия, слагаемыми которого служат ставки инвесторов, усилия рабочих, мастерство человека, людские страдания, найденная и потерянная работа, повышение и понижение по службе, конфликты и переговоры, конкуренция и заключение временных союзов; обычная жизнь продолжается. Но на более глубоком уровне новой социальной реальности производственных отношений в их прежнем виде больше не существует. Капитал стремится уйти в свое гиперпространство, где он имеет возможность беспрепятственного обращения, тогда как труд теряет свое коллективное лицо, растворяясь в бесчисленном множестве индивидуальных форм существования. В условиях сетевого общества капитал скоординирован в глобальном масштабе, тогда как труд индивидуализирован. Борьба между многообразными капиталистами и самыми различными рабочими классами перетекает в категорию более глубинного противоречия между голой логикой потоков капитала и культурными ценностями человеческого бытия.

Процессы преобразований, находящие свое выражение в идеальном типе сетевого общества, выходят за пределы сферы социальных и технических производственных отношений: они глубоко вторгаются в сферы культуры и власти. Проявления культурного творчества абстрагируются от исторических и географических факторов. Их обуславливают скорее сети электронных коммуникаций, взаимодействующие с аудиторией и в конечном счете формирующие оцифрованный, аудиовизуальный гипертекст. Коммуникация в основном распространяется через диверсифицированную, всеобъемлющую систему средств информации, и поэтому политическая игра все чаще и чаще разыгрывается в этом виртуальном пространстве. Лидерство становится персонализированным, а путь к власти лежит через создание имиджа. Речь не идет о том, что любая политика может быть низведена до уровня

средств информации, как она не идет и о том, что ценности и интересы не испытывают влияния со стороны политики.

Однако вне зависимости от того, о каких политических деятелях идет речь, они оказываются вовлечены в игру, ведущуюся через средства массовой информации и самими средствами массовой информации. <...> Зависимость от языка средств информации, имеющих под собой электронную основу, приводит к далеко идущим последствиям для характеристик, организации и целей политических процессов, политических деятелей и политических институтов. В конечном счете власть, которой располагают сети средств информации, занимает второе место после власти потоков, воплощенной в структуре и языке этих сетей.

На более глубоком уровне происходит преобразование материальных основ общества, организованных вокруг пространства, которое пронизано потоками и где отсутствует время. За этой метафорой стоит серьезная гипотеза: доминирующие функции организуются в сетевые структуры в пространстве потоков, которое объединяет их по всему миру, одновременно разобщая второстепенные функции и самих людей в ином пространстве, состоящем из локалий, которые все больше и больше разделены и оторваны друг от друга. Безвременье оказывается результатом отрицания времени, настоящего и будущего, в сетевых структурах пространства потоков. Часовое же время, количественная характеристика и ценность которого определяются для каждого процесса по-разному, в зависимости от его положения в сети, по-прежнему сохраняет свою действенность в отношении второстепенных функций и конкретных локалий. Конец истории, нашедшей свое воплощение в бесконечном обороте компьютеризированных финансовых потоков и в завершающихся в мгновение ока "хирургических" войнах, подминает под себя биологическое время нищеты и механическое время труда на производстве.

Социальное построение новых форм пространства и времени ведет к развитию метасети, которая отключает второстепенные функции, подчиняет социальные группы и ведет к обесцениванию целых территорий. В этом процессе образуется дистанция между метасетью и большинством отдельных людей, видов деятельности и локалий по всему миру. При этом ни люди, ни локалии, ни отдельные виды деятельности не исчезают; исчезает их структурное значение, переходящее в незнакомую ранее логику метасети, где формируются ценности, создаются культурные коды и кодексы и принимаются решения, связанные с властью. Общество сетевых структур, выступая в качестве нового социального порядка, большинству людей все чаще и чаще видится как метасоциальный беспорядок, как автоматизированная, произвольная последовательность событий, следующая неконтролируемой логике рынка, технологий, геополитических факторов или биологической детерминанты.

С точки зрения более широкой исторической перспективы общество сетевых структур представляет собой качественное изменение в жизни человека. Если мы посмотрим на старую социологическую традицию, согласно которой общественная деятельность на изначальном уровне может быть понята как структура изменчивых взаимоотношений между природой и культурой, мы убедимся, что действительно вступили в новую эпоху.

Первая модель взаимосвязей между этими двумя диаметрально противоположными полюсами людского бытия на протяжении тысячелетий характеризовалась господством природы над культурой. Кодексы социальной организации служили делу борьбы за выживание перед лицом внешних необузданных

сил; об этом свидетельствует такая наука, как антропология, проследившая кодексы общественной жизни вплоть до корней формирования нашей биологической сущности.

Следующий тип взаимоотношений сформировался на заре современной эпохи. Он связан с промышленной революцией и с победой разума, когда культура возобладала над природой. Наше общество сформировалось тогда, когда человечество скинуло иго природных сил и одновременно изобрело свои собственные формы подчинения и эксплуатации.

Сегодня мы вступаем в новую эпоху, когда культура настолько подчинила себе природу, что ее приходится искусственно восстанавливать в качестве одной из культурных форм: именно в этом, по сути, заключается смысл экологических движений. <...> Мы приблизились к созданию чисто культурной структуры социальных взаимодействий. Именно поэтому информация стала основным компонентом нашей социальной организации, а потоки идей и образов составляют основную нить общественной структуры. Это отнюдь не означает, что история завершилась счастливым примирением человечества с самим собой. На деле все обстоит совсем иначе: история только начинается, если понимать под ней то, что после тысячелетий доисторической битвы с природой, сначала выживая в борьбе с ней, а затем покоряя ее, человеческий вид вышел на такой уровень знаний и социальной организации, который дает нам возможность жить в преимущественно общественном мире. Речь идет о начале иного бытия, о приходе нового, информационного века, отмеченного самостоятельностью культуры по отношению к материальной основе нашего существования. Но вряд ли это может послужить поводом для большой радости, ибо, оказавшись в нашем мире наедине с самими собой, мы должны будем посмотреть на свое отражение в зеркале исторической реальности. То, что мы увидим, вряд ли нам понравится.

Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В.Л. Иноземцева). М., 1999. С. 494-505